

ассоциации с современными предметами или процессами, умение активизировать собственное «Я» посетителя, его жизненный и культурный опыт и сопоставлять его с ушедшим временем и иной культурой.

Общепризнанно, что ключевым моментом в деле сохранения исторического наследия является осознание его как духовной, а потому бесценной и вечной, ценности. Все мы являемся свидетелями того, что пока такого осознания не произойдет, наше наследие будет разрушаться. К сожалению, история России XX в. не является примером бережного и уважительного отношения к своей истории. Поэтому нам, российским музейщикам, в отличие от западных коллег, приходится не только поддерживать ценностное отношение к историческому наследию, но и, зачастую, выстраивать связь поколений заново. А для этого необходимо относиться к современной действительности и к социокультурным процессам как к очередному звену в истории, который требует нашего понимания.

Н.С.Корепанов
Екатеринбург

КТО ПОХОРОНЕН НА ПЛОЩАДИ?

Летом 2008 г. в центре Екатеринбурга на площади им. 1905 г. археологи Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Свердловской области вскрыли несколько захоронений XVIII в. Могилы эти имеют отношение к приходскому кладбищу первоначальной деревянной Богоявленской церкви, освященной в 1747 г. Наибольший интерес вызвала тогда могила молодого мужчины 30 – 40 лет, похороненного в офицерском мундире. Руководитель раскопок С.Н. Погорелов охарактеризовал захоронение как склеп с кирпичным арочным сводом, характерным для второй половины XVIII в., цвет мундира назвал рыжеватым, порывавшим от времени и тлена. По поводу личности похороненного краевед В.К. Некрасов (к сожалению, ныне уже покойный) высказал мысль, многими подхваченную, что это известный екатеринбургский благотворитель Семен Метлин.

О Метлине вкратце сообщим, что в истории Екатеринбурга XVIII в. он был весьма заметной и колоритной фигурой. Пензенский дворянин, в 1730-е гг. участвовал в Оренбургской экспедиции, был захвачен в плен казахами, откуда спустя год бежал. В Екатеринбурге служил с конца 1740-х гг., в разные годы возглавлял местный гарнизон и полицию, входил в руководство горной администрации. Действительно, он был похоронен при Богоявленской церкви, уже каменной, выстроенной и освященной в 1770-е гг. Однако предположение, что именно его могилу нашли археологи, сразу же пришлось отметить. Во-первых не подходил возраст: Метлин скончался в 1780 г. на седьмом десятке лет. Во-вторых, не соответствовал мундир. Метлин дослужился до гражданского чина коллежского асессора (что соответствует пехотному майору), а на обшлагах покойного, по словам С.Н. Погорелова, явственно были видны три полосы. Это значит, что похоронен был унтер-шихтмейстер 1 класса; внетабельный чин его соответствовал пехотному подпрапорщику.

Мундиры в горном ведомстве ввели в 1755 г. По сенатскому указу мундир состоял из красного кафтана с белыми обшлагами, белого камзола и красных штанов. У офицеров по борту кафтана и камзола шел золотой галуун; унтер-шихтмейстеры галуунов не имели, а на обшлагах их мундиров золотом были вышиты одна, две или три полосы – соответственно 3, 2 или 1 класса. Офицерские мундиры обязаны были носить также и гражданские

чиновники, служившие в горном ведомстве, унтер-шихтмейстерские мундиры – подьячие той же службы. Шились мундиры за свой счет. В Екатеринбурге красные горные мундиры были введены в сентябре 1756 г. Итак, найденный на площади человек был похоронен после сентября 1756 г. и служил либо унтер-шихтмейстером 1 класса, либо подьячим высшего ранга, способным заплатить за свой мундир (младшим писарям это было не по карману).

Теперь о кладбище. Богоявленская церковь в Екатеринбурге всегда негласно считалась церковью управительской, офицерской, дворянской. Здесь слушали службы и совершали обряды представители администрации всех чинов и званий, на приходском ее кладбище их и хоронили. (А также и членов их семей и, кстати, их же дворовых людей.) Церковь же Сошествия Св. Духа (Малый Златоуст) была выстроена на купеческие деньги и считалась «купеческой», а деревянная Вознесенская церковь строилась по инициативе и на пожертвования мастеровых и работных людей и считалась «мастерской». И в этой связи еще один любопытный момент.

В 1772 г. последовало распоряжение Синода приходские кладбища в черте Екатеринбурга закрыть, а устроить несколько кладбищ за городом. На деле же спустя год было назначено единственное на всех городское кладбище в 300 саженьях к югу от крайнего жилья, справа от Уктусской дороги. Первоначально в центре кладбища установили крест, а вскоре же сюда перенесли с площади деревянную Богоявленскую церковь и освятили как Успенскую. Впоследствии здесь сама собой начала складываться женская сиротская община, а уже в XIX в. возник женский Ново-Тихвинский монастырь. Престол же Богоявленского каменного собора на торговой площади был освящен в 1774 г., и с тех пор при нем могли изредка хоронить лишь значимых для города выдающихся людей. Во всяком случае, после 1774 г. простого унтер-шихтмейстера или подьячего здесь уже не могли похоронить.

Итак, остается установить, кто из таких был похоронен на площади между 1756 и 1774 гг. По сохранившимся архивным документам это возможно сделать. Надо помнить, что Екатеринбург XVIII в. был мал: здесь проживало тогда тысячи три народу – чуть более или менее. Поэтому о смерти каждого узнавали все, и кто-то кому-то рапортовал по команде. Тем более, когда умирал человек из руководства – эти все были наперечет. Но похоронить на екатеринбургском кладбище могли и «постороннего». Горные офицеры полжизни проводили в разъездах и командированиях. На год, на два и на пять могли они уехать на дальний рудник, на дальний завод или в караван, а семьи их оставались в Екатеринбурге. Если умирали они в отъезде, казна часто брала на себя расходы на доставку их семьям пожитков и тела покойного. И кстати, среди расходов на похороны горных офицеров с начала 1760-х гг. значится один любопытный пункт: кирпич на выкладку офицерской могилы. Так что, скорее всего, искать надо по еще более ограниченному периоду.

Почти заведомо придется отместить подьячих. В интересующее нас время в Екатеринбурге умерло несколько копиистов и подканцеляристов, младшие должности которых не позволили бы им заявить о себе почти офицерским мундиром. И не умер ни один протоколист и ни один из секретарей, оклады которых соответствовали унтер-шихтмейстерским.

Непосредственно в Екатеринбурге умер за тот срок единственный унтер-шихтмейстер. Его звали Дмитрий Бахорев, он был младшим сыном знаменитого русского механика Никиты Бахорева, тогда возглавлявшего золотодобычу на Березовских промыслах и когда-то обучавшего механике

самого Ивана Ползунова. Этот Дмитрий Бахорев умер в 1767 г., имел второй класс своего чина и был мальчиком 14 лет.

Далее – по возрастанию вероятности. В 1756 г. на Ягошихинском заводе в Пермском крае умер унтер-шихтмейстер Алексей Березин. Отец его, пильный мастер, некоторое время работал в Екатеринбурге, но не более. В 1757 г. на Верх-Исетском заводе умер унтер-шихтмейстер Павел Белый. Лишь тремя годами ранее он прибыл на Урал в составе группы учеников Московской инженерной школы и не успел еще обзавестись семьей. В 1758 г. там же на ВИЗе умер подштейгер Фирс Портнягин. Рудничная должность его соответствовала чину унтер-шихтмейстера, но там же на ВИЗе жила и семья его. В 1769 г. в Петербурге умер командированный унтер-шихтмейстер Василий Аистов. Вся семья его жила в Екатеринбурге, но на столь дальнее расстояние могли повезти только самого выдающегося покойника. В 1758 г. на Кушвинском заводе умер унтер-шихтмейстер Макар Романов. О семье его ничего не известно, и нет данных, что пожитки его доставили в Екатеринбург. В 1760 г. на Каменском заводе умер унтер-шихтмейстер Александр Зимин. В Екатеринбурге жили его родственники, но известно, что на службе он сильно злоупотреблял спиртным, и, скорее всего, «не заслужил» ни казенных, ни семейных расходов на перевоз тела в Екатеринбург.

И наконец, два наиболее вероятных имени. 24 октября 1762 г. скоропостижно скончался подлекарь Екатеринбургского госпиталя Яков Рудаков, сын отставного солдата. В 1755 г. его приняли в лекарские ученики из цирюльников. Цирюльники среди прочего умели «отворять кровь», и в лекарскую службу их брали чаще всего. В 1757 г. он служил на Алапаевском заводе, в следующем году его командировали на Нерчинский завод по вызову заболевшего там управителя, одного из основателей Екатеринбурга Никифора Клеопина. По возвращении глава Екатеринбургского госпиталя штаб-лекарь Христофор Шнезе ходатайствовал о присуждении Рудакову должности подлекаря. Госпиталь входил в заводскую команду, и унтер-шихтмейстерские горные мундиры могли по чину носить и лекари, и подлекари. Во всяком случае, штаб-лекарь Шнезе мундир горного офицера точно имел. Медицинский же чин подлекаря соответствовал горному чину унтер-шихтмейстера.

29 августа 1770 г. в дальней командировке в Оренбургской губернии умер от чахотки унтер-шихтмейстер Николай Нерослов. Он был коренным екатеринбуржцем, сыном долго проработавшего на екатеринбургских фабриках стального подмастерья Лариона Нерослова. Горную службу он начал в конце 1750-х гг. принятый из екатеринбургских школ на должность геодезического ученика. В 1760 г. он был командирован в Красноярский уезд к поиску золота в бассейне реки Абакана. Там входил он в команду капитана флота Дмитрия Коростелева, который сам когда-то участвовал в Камчатской экспедиции Беринга. Кстати, в тех же местах участвовал тогда в поисках золота упоминавшийся выше Н. Клеопин. В середине 1760-х гг. Нерослов служил учителем Екатеринбургской арифметической школы. В Оренбургскую губернию его командировали к межеванию земель частного завода. Тяжело больного туда вряд ли бы отправили, поэтому то, что в документах названо чахоткой, скорее всего, было не туберкулезом, а обычным воспалением легких. В Екатеринбурге у него оставались родители и жена с двухлетней дочкой Надеждой. Точных данных о перевозе тела умершего в Екатеринбург нет, но известно, что казна оплатила доставку пожитков его родным. Можно предположить, что вместе с пожитками

привезли и тело, а похоронные расходы взяла на себя семья, но это уже догадки.

В качестве непреложного вывода можно сделать лишь относительно точную датировку могилы (между 1756 и 1774 гг.), но личность похороненного остается неустановленной.

С.А.Корепанова

Екатеринбург

МАТЕРИАЛЫ О НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НА УРАЛЕ В ФОНДАХ СОКМ [1]

Свердловский областной краеведческий музей ведет свою историю от созданного в декабре 1870 г. (по нов. ст. – 10 января 1871 г.) Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). В 2011 г. музею исполнится 140 лет. Среди почетных членов УОЛЕ в дореволюционный период – имена геологов, минерологов и других ученых путешественников: А.П. Карпинского, Н.И. Кокшарова, А.Е. Ферсмана, Г.П. Гельмерсена, Г.Е. Щуровского, Д.И. Менделеева, Н.П. Барбота де Марни, А.Е. Норденшельда, Ф. Нансена и др. Многие из них присылали в дар УОЛЕ как свои труды, так и материалы научных экспедиций XVIII – XIX вв. по Уралу и Сибири.

Само Уральское общество любителей естествознания создавалось с целью изучения и исследования Уральского края в естественно-историческом отношении, а также для распространения научных знаний о регионе. Изучение природы Урала, тем более силами энтузиастов-любителей, было невозможно без создания широкой информационной базы. С первых шагов члены УОЛЕ начали собирать отчеты, обзоры, описания академических и других экспедиций XVIII – XIX вв. Уже по списку книг, поступивших в библиотеку УОЛЕ с 3 по 18 мая 1873 г., видно, что весомый дар (19 изданий) сделала Обществу Императорская Академия наук. В числе книг, присланных из Петербурга, были сочинения И.Г. Гмелина, И.Г. Георги, И.Р. Фалька, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, А.Ф. Миддендорфа, Ф.И. Рупрехта.

Среди научных экспедиций первой трети XIX в. наиболее известной была поездка по России, включая Урал, немецкого ученого-энциклопедиста Александра фон Гумбольдта в сопровождении профессоров Г. Розе и К.Г. Эренберга. Обширные научные данные, собранные во время этого путешествия, были опубликованы в виде нескольких работ А. фон Гумбольдта и Г. Розе.

Первой в 1831 г. вышла в свет работа «Fragments de Geologie et de Climatologie Asiatique», в которой А. фон Гумбольдтом была написана лишь часть. В целом книга содержала в себе очень разнородный материал, требующий дальнейшей научной обработки. В собрании СОКМ имеется названная работа на немецком языке, изданная в 1832 г. в Берлине – «Fragmente einer Geologie und Climatologie Asiens». На книге сохранилась дарственная надпись, сделанная горным деятелем Ф.И. Фелькнером будущему банковскому деятелю Ф.Л. Миллеру: «Когда будете в Вене, почтеннейший Федор Логинович, то прошу Вас получить у книгопродавца следующий к этой книжке обзор средней температуры, а в настоящее время примите это сочинение Гумбольдта на память. 11 февраля 1841 года. От уважающего Вас Ф. Фелькнера. Юг на Север».

В тот период Ф.И. Фелькнер являлся начальником Пермских казенных заводов, позднее возглавлял Уральское горное правление (1856 – 1863 гг.), был членом Горного совета и Горного ученого комитета.